

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

GREGORY BENFORD
LARRY NIVEN

BOWL OF HEAVEN

ГРЕГОРИ БЕНФОРД
ЛАРРИ НИВЕН

ЧАША НЕБЕС

Перевод с английского: Конрад Сташевски

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)
Б46

Gregory Benford, Larry Niven
BOWL OF HEAVEN

Печатается с разрешения авторов и литературных агентств
Spectrum Literary Agency и Nova Littera SIA.

Перевод с английского: *Конрад Сташевски*

В оформлении использована иллюстрация
Сергея Неживясова

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

ISBN 978-5-17-151153-1

Copyright © 2012 by Gregory Benford
and Larry Niven
© Конрад Сташевски, перевод, 2024
© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Клиффорд Каммаш (Клифф), биолог.

Майра Викрамасингх, пилот, из команды Бет.

Абдус Викрамасингх, пилот, из команды Бет.

Глория, планета — цель полета.

Редвинг, капитан корабля.

«*Искательница солнц*», корабль.

Элизабет Марбл (Бет), биолог.

«*Эрос*», первый корабельный зондочелнок.

Фредерик Ояма (Фред), геолог, из команды Бет.

Айбе, инженер, из команды Клиффа.

Говард Блэр, инженер, из команды Клиффа.

Терренс Гоулд, из команды Клиффа.

Ирма Микельсон, ботаник, из команды Клиффа.

Тананарив Бэйли, из команды Бет.

Лау Пинь, инженер, из команды Бет.

Другие члены экипажа «Искательницы солнц»:

*Джамбудвина*¹, сокращенно *Джам*, индиец, квартирмейстер.

Айян Али — арабка, навигатор.

Клэр Конвей — пилот.

Карл Ливан — офицер-технолог.

¹ Название земной суши и иногда Земли как мира людей в целом в индуистской космологии.

АСТРОНОМЫ

Мемор, Уполномоченная Астроном-Дальновзорка.

Асенат, Мудрица.

Икахаджа, Экосистем-Савант.

Оманах, Экосистем-Стаехозяйка.

Рамануджи, Биолог-Савант.

Канаматха, Биолог-Стаехозяйка.

Тхаджи, Судья-Савант.

АДАПТЫ

Разнообразные существа, переселенные в Чашу
Небес и интегрированные в местную экосистему.

Пролог

ПРОЩАЛЬНАЯ ВЕЧЕРИНКА

Где плещут волны, там блуждал я,
Красками юности был ослеплен,
Ученым сказкам послушно внимал я
В виду шири бескрайней Времен.

Альфред Теннисон. Локсли-холл

Клифф отвернулся от тех, с кем прощался, и посмотрел на мир, который ему больше не суждено увидеть.

Вокруг шумела развеселая вечеринка. Смех, крики, песни, музыка. Слишком веселый смех, слишком громкая музыка, все немного слишком. Электрические аккорды перекрывали напутственные речи. Они простились со своими близкими на Земле, и теперь «Искательница солнц» — экипаж и пассажиры — прощалась с техниками, построившими звездолет, с легионами специалистов, натаскивавших команду, с представителями политических и экономических структур, обеспечивших кораблю запуск в непознанную пустоту.

Хотя картинка была очень четкой, он не забывал, что это всего лишь экран, изображение, подстроенное с вычетом центробежной силы, так что Земля кажется повисшей в пространстве, а от нее к докам «Искательницы» летят мириады серебристых мошек. А вот еще стайка искорок тянется от космофабрик на высоких

орбитах, и еще одна — к лунным флингерам. Десятилетнее путешествие завершал сверкающий астероид, окруженный серебристыми роями робокомплексов, выгрызавших его каменную утробу и перерабатывавших вещество глыбы на строительные материалы для колонии. Покрытые отражательными слоями биокупола ожидали, пока в них ступят члены команды и продолжат терзать захваченный в плен камень. Окутанные серебристым туманом, который развеется с пробуждающим их Солнцем.

Его поразило, как похожи эти космические машины на произведения искусства. Избавленные от пут гравитации, они казались искаженными набросками многогранников и фигур евклидовой геометрии, кубов, эллипсоидов, тупоносых цилиндров, только не было привычных по скелетным моделям прутьев между вершинами; с неспешной грацией ползущего ледника перемещались они на темном фоне, кое-где расцветенном драгоценными камнями далеких звезд. С геостационарной орбиты он не различал отдельные спутники. Задал увеличение, сузил экран, но это не помогло. В поле зрения, однако, вплыл рой роскошных отелей для богачей древности, построенных уже больше двух веков назад. Религиозные общины на орбите были многочисленней, но их адепты вели, как правило, спартанский образ жизни; так и получалось, что сновавшие туда-сюда, испещрявшие лик планеты корабли, когда попадались на глаза, оказывались преимущественно коммерческими. Земля величественно плыла в пустоте, и рои машин вокруг нее были как белая пена на гребешках волн. Он переместился чуть

вбок и поймал в первой точке Лагранжа отблеск исполнинской френелевской линзы, висящей между планетой и Солнцем. Отсюда он наблюдал ее затуманенную округлость почти с ребра. Заслонка отводила избыточное звездное излучение, не давая и без того разгоряченной Земле накаляться еще пуще. Вокруг линзы мерцали облачка вспомогательных механизмов.

— Знаешь,— мягко промолвила оказавшаяся позади Бет,— когда мы проснемся, во всем этом уже не останется нужды.

— А мы даже не выйдем из нынешнего возраста,— ответил Клифф, обернувшись к ней. Глаза его лучились радостью.

Она подмигнула, усмехнулась и поцеловала его.

— Ты такой оптимист, ну как я могла в тебя не втюриться?

— Если бы я заранее не обдумал, как все будет, когда мы проснемся, то и не полетел бы.

На ней было облегающее стройную фигурку, подвернутое у шеи, перехваченное парой янтарных браслетов у запястий платье, явно не предназначенное для полета к самой Глории. С правого бока поляризованная ткань открывала взгляду обнаженное тело — кожа Бет была цвета шардоне. Тон синтешелка можно было регулировать по желанию владелицы, и Клифф подумал, что она наверняка подстроила его к браслетам. Оставалось надеяться, что всю эту красоту видит он один. Впрочем, оглянувшись, он заподозрил, что окружающие попросту старательно отводят взгляды. Собственно, на вечеринке всякому нашлось бы что проигнорировать напоказ: подтягечные бюстье,

перья, маски, ожерелья, блестки — на женщинах; гульфики, едва сходящиеся на груди рубахи, высокие шляпы, придававшие сходство с хищной птицей, — на мужчинах.

— Кажись, тут сегодня вечерком выброс феромонов,— сухо заметила Бет.

Это было не в его стиле.

— Бравадой тут пахнет, скажу я тебе.

И он без лишних слов заключил ее в объятия. Они поцеловались. Он рано усвоил, что таков наилучший способ предотвратить назревающую ссору, особенно если в голову не приходит ничего поумнее. Зеленые глаза Бет сверкнули. Все продолжали притворяться, будто ничего не замечают.

А и пусть. В конце концов, он мало кого из этих зрителей еще увидит.

Кстати, сходную мысль вынесли на растяжку поперек подвесного потолка комнаты. Авторство ее принадлежало техникам, много лет трудившимся совместно с будущим экипажем над постройкой и наладкой «Искательницы солнц».

НАДЕЕМСЯ, ВЫ ТАК ЖЕ СЧАСТЛИВЫ ОСТАВИТЬ НАМ ЭТОТ МИР, КАК МЫ — СНАРЯДИТЬ ВАС В ПОЕЗДОЧКУ С ВЕТЕРКОМ

Терри и Фред перехватили парочку по дороге к бару и со смехом указали на это изречение.

— Прикольно,— заметил Терри.— Мы сегодня улетаем на Глорию, а завтра эти ребята возвращаются ишачить на стапелях следующего ионоточника. Но

такое впечатление, что они радуются даже больше нашего!

— Ага,— подтвердил Фред.— И правда, странно. Они так же счастливы дать нам пинка под зад, как и мы сами — свалить.

— Мы все тут немного психи,— сказал Терри.— Так говорят санитары, я им верю. С чего бы психам не порадоваться, что их отпускают обживать дивный новый мир?

— Вместо того чтобы восстанавливать старый, досуха выжатый? — уточнил Клифф. Странно было встречать сейчас с такой репликой, но удержаться он не смог.

Бет пожала плечами.

— Либо мы меняем климат, либо он меняет нас.

— Хорошенькие дела! — сказал Терри.— Вы же помните, что это предыдущие поколения ретерраформировали Землю. А нам достанется целая новая планета.

Мимо проползла тележка: в создаваемой слабым вращением гравитации плавающие подносы использовать не получалось. Вокруг тележки, нагруженной экзотическими фруктами, тут же сгрудились те, кому еще веками не суждено будет попробовать ничего подобного. Фред, а следом Терри бесцеремонно ввинтились в толпу, стремясь урвать и себе кусочек.

— Милый,— ласково позвала Бет,— отойдем?

Клифф посмотрел поверх голов толпы. Какой-то земной бюрократ с трудом удерживал рвущуюся с поводка собаку, формами напоминавшую утыканый шерстью тортик. Собака норвила заглотать чью-то

блевотину. Трое спутников бюрократа ржали, глядя на это зрелище. Большинство участников вечеринки, сколь мог Клифф судить, отрывались куда мощней его самого.

Плевать.

Уж почти наверняка их он видит в последний раз — техников, сооружавших «Искательницу солнц», бесчисленных бюрократов, делавших вид, что причастны к проекту чем-то дельным, психологов, инженеров, испытателей, дублеров, которым не повезет открыть глаза под светом чужого солнца. Он скорчил гримасу и переждал это неприятное мгновение. Оно прошло. Все такие моменты проходят. По крайней мере большинство.

— Сердце мое полно, а стакан пуст.

Она сочувственно кивнула.

— На «Искательнице» будет не до пирушек.

— Ну да, в полете... капитан Редвинг нас по голове не погладит.

— Он не из таких. Он нас скорее через ускоритель вышвырнет.

Глаза ее смеялись. *Ну же*, говорили они, *празднуй, пока можешь*. Глядя в них, он чувствовал, как отступают сомнения, страх и... эмоции, которым вовсе не было имен.

Хорошо, пусть так.

Они стояли, сплетя руки на запястьях друг друга, и смотрели, как медленно, в молчаливом величии вертится Земля. На краю поля зрения проплывала «Искательница солнц», подобная художавой голодной акуле.

Действительно, чем не акула, готовая ринуться в океан ночи? Вон пасть корабля — магнитная воронка,

только и ожидающая запуска, когда «Искательница» разинет ее на полную и начнет медленное смещение на окраину Солнечной системы. Первый могучий зевок, однако, приведет акулу в окрестности центрального светила, где она поживится солнечным ветром — топливом для заправки. За пастью рубиново сиял перехвативший тушу обруч рубки управления, где продолжали суетиться техники. Клифф следил и за другими крохотными фигурками в скафандрах, сновавшими по всей длине длинного вращавшегося цилиндра, зажато-го между хранилищами НЗ: в этом цилиндре располагались жилые зоны и колыбели криосна. Еще дальше — хлопково-белые, словно изборожденные морщинами с поверхности, напичканные интеллектроной радиаторы двигательной системы, их цилиндрические вентканалы открываются в камеры сгорания, а оттуда, из этих жирных, перечеркнутых реброкольцами бочек, выдаются сопла выброса. Над этим участком туши нависали, как седельные попоны, кластеры крупных желтых топливных ячеек, призванные питать зверя, когда корабль с ускорением ринется в глубокую тьму и канет в неизвестность. Начиная с этого этапа столетиями будут они фильтровать жидкую ионно-протонную кашу сквозь магнитные щиты, и акула — «Искательница солнц» примется пожирать пищу, для коей создана, — световые годы пространства.

Они уже плавали на этой рыбе в облако Оорта, испытывали двигатели, выявляли и устраняли ошибки, допущенные предшествующими четырнадцатью звездолетами. Запускали экспертные системы ИИ, искали, где плохо склепано и наискось застроено, улуч-

шали и прогоняли снова. Каждый корабль первых поколений межзвездного флота сам по себе явился экспериментом. Каждый чему-то учился у своих предшественников. Инженеры и ученые делали свою работу, каждый новый корабль становился все лучше. Направленная убыстренная искусственная эволюция. Теперь они считали, что готовы нырнуть на самую глубину. Глубину пространства и времени. Время это пролетит и унесет с собой всех, кого они знают.

— Какая милашка, правда? — сказал мужской голос позади них.

Это был Карл, долговязый нескладный офицер-технолог. Он обнимал за талию Мей Лин.¹ Выглядел Карл несколько непривычно для себя: глаза его туманились, лицо покраснело. Клиффу показалось, что офицер-технолог загасил косячок чего-то слишком крепкого. Мей Лин, напротив, выглядела крайне оживленной, глаза ее сверкали.

— Ага,— сказала Бет, оглядывая ее боковым зрением,— и мы надеемся, что ты ее удовлетворишь.

— Ну дык,— изрек Карл, сделав вид, что не замечает подначки.— Она такая красotka, наша «Искательница».

Мей Лин заломила бровь, кивнула.

— Прощаемся с Землей? Как думаете, что станут о нас тут думать, когда долетим?

— Хотелось бы,— сказала Бет,— установить мировой рекорд долгожительства среди женщин.

¹ Вероятно, здесь авторская шутка-аллюзия на цикл о мошки-тах, в создании которого принимал участие Ларри Нивен. Одним из центральных персонажей там выступает журналистка Джойс Мей Лин Трухильо. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Все рассмеялись.

— А тяжело со всеми прощаться, мм? — склонилась в сторону Клиффа Мей Лин. — Ты тут ошиваешься почти весь вечер, сторонисься.

Он с опозданием вспомнил, что пронизательность у Мей Лин — сильная черта. Поняла, что его нужно приободрить. Их всех стоит приободрить.

— Гм, да. Я так подумал, что я человек мира. Надо только понять, какого именно мира.

Собравшиеся жалостливо закивали.

Карл с мимолетной усмешкой исполнил свой самоновейший фокус. При низкой гравитации, созданной вращением, ему не составило труда вылить из бутылки темно-красное вино и тут же тремя быстрыми движениями ножа рассечь струю на три порции, упавшие в три подставленных Мей Лин бокала.

— Впечатляет, — признала Бет, и они выпили.

— Есть новости, — заметил Карл. — От Глории идет гравитационное излучение, ну да это все знают. Так вот, там нет сигналов. Один шум.

— И что это нам дает? — спросила Бет.

Клифф читал по ее лицу однозначный вердикт, и был этот вердикт отнюдь не в пользу Карла. Увы, Карл об этом так и не узнает.

— Во-первых — сверхцивилизации на Глории нет.

— Мы уже установили, что там нет электромагнитных сигналов, — уточнила Мей Лин.

— Ну да, — сказал Карл, — однако высокоразвитые инопланетяне могли...

— Это вечеринка, — прервала Бет ласково, — имей же ты совесть.